

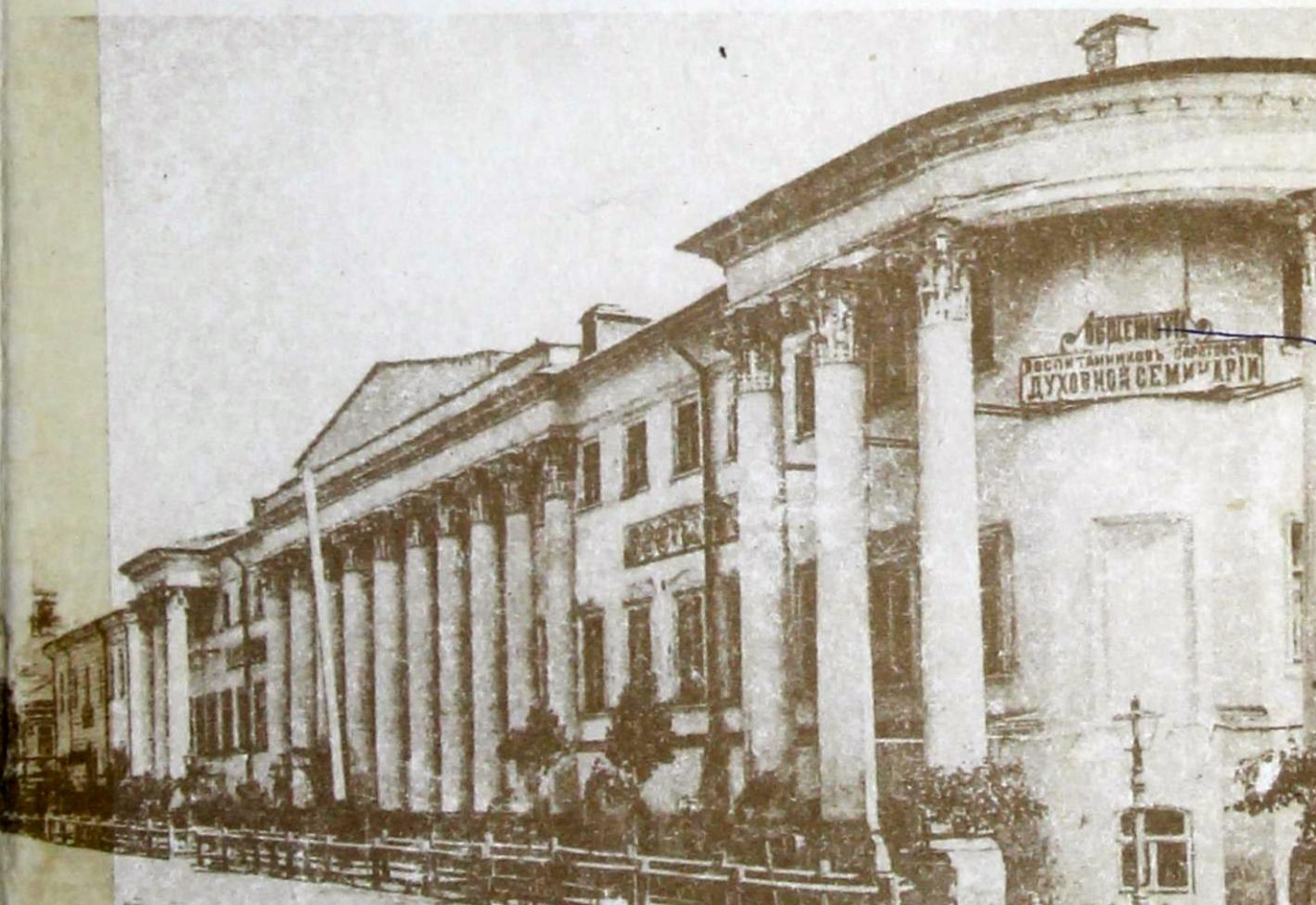
85.11
735

С. ТЕРЁХИН

ВЕКА И КАМНИ

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
САРАТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ
ДОСЛУШАТЕЛЬСКИЙ ЗАРЯДОВЫЙ
ДУХОВНОЙ СЕМИНАРИИ

С. ТЕРЁХИН

ВЕКА И КАМНИ

ПАМЯТНИКИ
АРХИТЕКТУРЫ
САРАТОВСКОЙ
ОБЛАСТИ

аз 03 + 92
62144-2 ✓ 97

БАЛАКОВСКАЯ
городская централизованная
библиотечная система

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1990

ББК 85.113(2Р354)1
Т35

Рецензенты: *Е. И. Кириченко*, доктор искусствоведения; *Е. К. Максимов*, доцент СГУ.

На первой странице обложки:

Саратов. Церковь «Утоли моя печали». Фрагмент.
Саратов. Особняк М. Устинова. Ныне — краеведческий музей.

На четвертой странице обложки:

Саратов. Дом Р. Эрт. Окно.
Саратов. Доходный дом Г. Горина.

Терёхин С. О.

Т35 Века и камни: (Памятники архитектуры Саратовской области). — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990. — 152 с. ил.

ISBN 5—7633—0260—5

Книга рассказывает о памятниках архитектуры и градостроительства Саратовской области, создает цельную картину зодчества края, которая складывается из многообразия уникальных, типичных и рядовых построек.

Книга адресована как специалисту-архитектору, краеведу, так и широкому кругу читателей.

Т $\frac{4902030000-46}{153(01)-90}$ 68—90

ББК 85.13(2Р354)1

ISBN 5—7633—0260—5

© Сергей Олегович Терёхин, 1990.

МОЙ ГОРОД ВЕСЬ КАК ПОТНАЯ ТЕТРАДЬ

Книга эта написана не в кабинете. То есть на письменном столе она лишь доделывалась, оформлялась, приобретала зримые черты. А сначала появилась сотня листков бумаги, десятков тетрадей и блокнотов с записями, пометками, рисунками, адресами. Но и это — не сразу. Не сразу пришла и основная идея книги, даже сама мысль — написать ее. А ведь тогда — зимним вечером в вольской гостинице и ослепительным утром в волжском «метеоре», в тамбуре трясущейся электрички и среди калек, прикнопленных к чертежной доске, — книга, наверное, уже была.

Хотя нет, как же? Сначала было: институт и кафедра архитектуры, влюбившая в родной город и в каждый его дом; новые имена и первые кумиры — Александр Палыч, Вентури, Гутнов; раскаленный августовским солнцем фасад консерватории — плавилась краска на этюде; ночи напролет над проектами перед защитой и десять наивных планшетов диплома... «Мой город весь как нотная тетрадь, еще не тронутая вдохновеньем» — такой, кажется, там был эпиграф.

Потом — контора с чудесным (Волга, мост, зелено-желто-бело-голубая набережная) видом из окна и реальной, такой разной, работой. Поездки, командировки, фотоаппарат; прогулки по осенним мостовым и сиреневым Липкам; лазанье в незнакомые, такие загадочные переулки, дворы и на крыши; и весь город как из ладони.

Музеи и архивы, библиотеки и редакции, первая заметка в газете... Так много хорошего было. Но почему — было? Все — есть: листки мысли, наброски постепенно сложились в главы, выстроились в выводы, превратились в эту книгу, не придуманную, а прожитую. Какая она — судить вам, читатель. Одно обещаю — она искренняя, в одно верю — она нужна.

Будут другие книги, более выверенные, написанные в отточенном стиле, — мне дорога эта. Помыслом и надеждой. Ведь если и вы узнаете, разглядите и полюбите свой дом, квартал, город — не будет награды дороже за авторский труд.

Есть несколько областей человеческой деятельности, в которых одинаково хорошо разбираются практически все. Это медицина, литература, футбол... и архитектура. В самом деле — каждый скажет, что современные ши-

рокие и светлые магистрали и площади красивы, а вот дома на них — из стекла и бетона — плохи. Летом в них жарче, чем на улице, а зимой — холоднее. Конечно, есть еще старые улицы и дома, да мы зачастую знаем их как серые, скучные, облупленные, неблагоустроенные. Но вот... то здесь, то там обновляют, заново штукатурят или красят здания. Останавливается вечно спешащий мимо пешеход. Останавливается, вглядывается в детали, и вдруг... улыбается этому старомодному, знакомому, казалось бы, до последнего кирпича дому. И уже кружатся в голове чудесной мелодией слова: атланты — аркады, ризалит — мезонин... Так хочется узнать, как называется эта штука над входной дверью или вон та симпатичная полочка под окном... Узнать, чем знаменит этот трехэтажный, с аркой и замысловатыми балконами, или кто построил тот, помните, на углу квартала... А уж булочная на проспекте — это точно классицизм... или, кажется, ампир? Где бы уточнить?

В литературе, широко и разносторонне освещающей (особенно в последние годы) различные вопросы истории, географии, культуры саратовского края, не нашлось пока места работе о памятниках архитектуры и градостроительства. Скучные сведения разбросаны по книгам серии «Города Саратовской области», путеводителям по Саратову, фотоальбомам. Не привлекла пока эта тема и внимания специалистов (исключение — книга А. И. Осятинского «Строительство городов на Волге». Саратов, 1965). Между тем на территории нашей области расположена многообразная, интереснейшая коллекция памятников зодчества, ждущих внимательного взгляда. «Экспонаты» этой коллекции почтенны не только своим возрастом, привлекательны не одними изящными формами и украшениями фасадов; свидетели далеких эпох, они помогают глубже познать историю нашего народа, его традиции, его многовековую культуру. И потом — ведь именно они придают каждому городу, каждому селению «лица необщее выражение».

Цель этой книги — нарисовать портрет саратовской архитектуры красками самых достойных, характерных ее памятников. И взять в палитру не только общепризнанные, показательные постройки, давно ставшие символами наших улиц и городов, состоящие на учете ВООПИК¹ и охраняющиеся государством, но и другие, часто никем не охраняемые здания, а также полностью или частично исчезнувшие произведения зодчества.

Как видно, книга — не справочник, не путеводитель. Она даже по объему не может вобрать в себя все примечательные постройки. (Автор заранее приносит извинения тем читателям, мнению которых не вполне удовлетворяет круг памятников, очерченный в этой книге.) Наряду с характеристикой архитектурных стилей и описанием самих построек автору представляется важным, обобщив положение «охраняемых» дел, изложить свою концепцию классификации и оценки памятников, высказать соображения по методике их охраны и реставрации.

География материала вмещает современную территорию Саратовской

области. Хронологические границы книги охватывают период с конца XVII до начала XX века. Чем это продиктовано? Первая на территории края капитальная постройка — Троицкий собор в Саратове — появилась на рубеже XVII—XVIII веков. Города края того времени — Саратов и Петровск — состояли из деревянных построек. Их территория была невелика (ее можно было обойти по периметру за полчаса). До середины XVIII века Саратов окружали крепостные валы с деревянными ограждениями — рогатками, дозорными башнями — и рвы. С внешней стороны укреплений находились слободы — широкая (до полуверсты) полоса, занятая жилыми и хозяйственными постройками. Здешние обитатели вели сельский образ жизни — пасли скот, разводили сады и огороды, выращивали хлеб — для своего пропитания и торговли в городе. Да и городские кварталы «обывательского строения» походили на эти слободы беспорядочностью застройки.

«Когда говорим слово «дом», — писал о Саратове того времени Г. С. Саблуков, — не представляйте домов каменных: весь город был деревянный и дома горожан частных не много были лучше хороших деревенских изб. Уже в начале XIX века каменных домов (не считая церквей. — С. Т.) во всем городе было два»². На протяжении всего XVIII столетия возводились считанные единицы каменных зданий, деревянные же с той поры не сохранились. Поэтому в нашей области практически нет домов, возраст которых превышает 180—200 лет. Причин этому много: бесчисленные опустошительные пожары в городах и селениях, набеги «воровских казаков» и кочевых орд, народные бунты и восстания, бури революции и гражданской войны, перепланировки, перестройки... Большинство значительных архитектурных произведений и ансамблей создано в течение последних 100—120 лет.

На страницах книги не пойдет рассказ о советской архитектуре. Она, конечно, должна стать темой специальной работы. Кроме того, речь ведь идет о памятниках. А для объективной оценки того или иного явления в архитектуре необходим временной отрезок как минимум в несколько десятилетий, который позволяет, отринув все несущественное, сиюминутное, судить об этом явлении единственно по непреходящим критериям известной тирады Вигрувия³: пользе, прочности и красоте. «Большое видится на расстоянии...»

Обращение к архитектурному наследию на страницах книги должно, по замыслу автора, не только всесторонне осветить памятники зодчества, но и привлечь к их проблемам внимание общественности, специалистов, содействовать их сохранению, изучению и популяризации.

Давайте начнем с самого словосочетания «памятник архитектуры». Какова его история, что за смысл вкладывается в эти два слова? Памятник — от слова «память». Значит, в нашем случае, это дом, созерцание которого дает счастливую возможность прикоснуться к седым эпохам, рассказывает о культуре и быте наших предков, напоминает о былых традициях. Да еще, чаще всего, такой дом украшен лепным орнаментом или скульптурой; интерьеры залов привлекают росписями стен и изразцами каминов, медью

люстр и мрамором полов; на всем здесь, от ажурной уличной решетки до дверной ручки, лежит печать мастерства, фантазии и подлинного искусства.

Но памятник архитектуры — не всегда только один дом. Ансамбль площади или улицы, квартал или целый район города, а говоря специальным языком, даже сама планировка, сеть улиц может быть памятником градостроительного искусства.

Восхищение памятниками зодчества, уважение к ним — чувства, которые знали еще наши далекие предки. Однако часто к этому примешивалось религиозное поклонение перед реликвиями (не случайно к памятникам относили прежде всего культовые постройки). Главным критерием ценности всех других зданий был их возраст: чем старше памятник, тем он почтеннее.

Современное понятие памятника, как и современное к нему отношение, концепция его охраны сформулировались не сразу.

Уже один из первых декретов⁴ Советской власти гласил: «В целях сохранения, изучения и возможно более полного ознакомления широких масс населения с сокровищами искусства и старины... произвести первую государственную регистрацию всех монументальных и вещевых памятников... Взять на учет... памятники... имеющие большое научное, историческое или художественное значение». Однако не все и не всегда складывалось так, как предписывал ленинский декрет (только ли к памятникам отнесем мы эти слова?). Молодой республике не хватало средств и сил на все. Да и отношение многих людей к бывшим особнякам и церквям было, прямо скажем, непростым. Помните лозунг «Мир хижинам, война дворцам»? Как часто это понималось буквально...

Вскоре после окончания гражданской войны, когда вся республика еще была в разрухе, ВЦИК и СНК РСФСР приняли новое постановление «в дополнение и развитие Декрета от 5 октября 1918 г.»⁵, где предложили «принять энергичные и действительные меры к неукоснительному соблюдению... порядка учета и охраны памятников». На основе этого постановления была разработана подробная инструкция⁶, намечавшая конкретные формы учета, охраны и использования памятников зодчества.

Шли годы. Культура, образование шагали вперед. Люди тянулись к прекрасному, учились понимать и ценить искусство. Негативное, нигилистическое отношение к историческим зданиям уступало место заинтересованному, хозяйскому. Обращали ли вы внимание, какие учреждения занимают помещения бывших дворцов? Самые престижные и респектабельные, гостиницы и музеи, администрация и театры... Именно с этими зданиями связаны представления о неординарности наших городов: они незаурядны, исполнены высокого вкуса. Кроме того, они, несмотря на свой солидный возраст, почти всегда удовлетворяют потребностям дня, современным требованиям и нормам. Но проблем у памятников архитектуры еще очень и очень много. Наступает на центры городов новая, часто безликая, застройка. Пробива-

ются «по живому» многополосные магистрали. Наконец, люди нередко просто забывают о памятниках, равнодушно проходят мимо. А те медленно, но верно разрушаются, ветшают. Давайте же задумаемся: не пожелтеет ли крона нашей национальной культуры, если мы будем, мягко говоря, безразличны к ее корням — истории, традициям? Между тем большая часть исторических зданий требует не какого-то исключительного, а просто уважительного, заботливого отношения.

Но вернемся к документам. Развитием первых декретов и последующих постановлений⁷, выражением современных представлений о работе с памятниками стал Закон СССР «Об охране и использовании памятников истории и культуры» и конкретизирующий его одноименный Закон РСФСР, который вступил в действие с 1 марта 1979 года. Этот документ подвел итог долгой дискуссии о характере окружения памятников архитектуры; возобладала исторически оправданная позиция о слитности памятника с окружающей его застройкой и неправомерности его трактовки как объекта изолированного рассмотрения. Теперь, согласно Закону, к памятникам градостроительства и архитектуры могут быть причислены не только отдельные, уникальные здания или ансамбли, но и исторические центры, кварталы, площади, улицы (статья 6). Нашли выражение в законе и другие прогрессивные взгляды и тенденции. Так, в целях обеспечения охраны памятников устанавливаются охранные зоны, зоны регулирования застройки, которые являются составной частью проектов районной планировки и застройки городов и других населенных мест (статья 33). Снос, перемещение и изменения памятников архитектуры запрещаются (статья 41). В случае сноса или повреждения памятника виновные лица несут уголовную, административную и материальную ответственность за нарушение закона (статья 53).

Как видно, законодательство всесторонне, широко рассматривает проблему, намечает стратегию действий. Государственное управление всем комплексом работ по охране и использованию памятников (в нашем случае градостроительства и архитектуры) осуществляет Министерство культуры РСФСР, областные, городские, районные органы культуры. Советы народных депутатов ведут контроль за ходом этих мероприятий, при содействии специальных компетентных комиссий, создаваемых из работников органов и учреждений культуры, науки, образования (статьи 9—11).

Обратимся теперь к реальной практике изучения, охраны и реставрации памятников в Саратовской области. Здесь, к сожалению, еще много сложностей. Начнем с того, что нет государственной организации, которая бы специально занималась сбором, систематизацией данных о памятниках, выполняла их обмеры, разрабатывала проекты ремонтно-восстановительных и реставрационных работ, наконец, могла бы участвовать в практической реализации этих проектов. Нет подобных подразделений даже в городских и областном Главном управлении архитектуры и градостроительства. Следствие — то, что даже немногие имеющиеся сведения о памятниках расплывчаты, не проверены, не собраны в единый банк информации. То же, к сожа-

лению, можно сказать и о последующих стадиях работы — картина пестрая и запутанная, не хочется утомлять ею читателя.

Собственно охраной памятников занята массовая общественная организация — ВООПИК (ее деятельность и проблемы интересуют нас сейчас прежде всего). Призванная содействовать работе государственных органов охраны памятников, она популяризирует памятники и законодательные акты об их охране и использовании, устанавливает шефство организаций и учреждений над памятниками, осуществляет разносторонний общественный контроль, то есть ведет обширную пропагандистскую, организационную и посредническую работу (статья 13). Выборный исполнительный орган ВООПИК — совет — координирует действия первичных организаций и общественной инспекции. Это, так сказать, функции надстройки. В других подразделениях общества и, самое главное, в его местных организациях (там, где, собственно, и находятся памятники), дела обстоят далеко не блестяще. Не будет откровением положение дел в первичных — особенно молодежных (в школах, техникумах, училищах, вузах) — организациях ВООПИК. Все сводится к добровольно-принудительной ежегодной раздаче пресловутых марочек ВООПИК. Важнейшая, потенциально самая сильная часть общества — молодежь — выключена из этой работы, мало знает о ней.

Но самое печальное — положение дел на местах. Видели ли вы, как содержатся памятники архитектуры в райцентрах или, того хуже, в селах? Превратились в руины знаменитые саратовские усадьбы Зубриловка и Надеждино (правда, территориально принадлежащие теперь к Пензенской области); по-прежнему лучшим применением для культовых построек остается складирование стеклопосуды, тарных ящиков или вторсырья; «лишние» лепные детали убираются во время ремонтов; в немыслимые цвета красятся постройки... Добавим к этому полное отсутствие специалистов, слабую информативную связь с областным центром и даже с соседними городами, малую заинтересованность местной администрации, плохую материальную и строительную базы и, главное, ничтожность познаний самих жителей о своих городах и селениях. А сколько слов сказано о местном патриотизме, о любви к малой родине!

В этой книге автор пытается систематизировать и конкретизировать материалы об архитектуре края, представить ее лучшие произведения, разработать методическую часть проблемы и эскизно обрисовать свою модель работы с памятниками.

Итак, в Саратовской области стоит на учете чуть более сотни (данные 1989 г.) памятников архитектуры и градостроительства: в Саратове — 63, Вольске — 23, в Балаково — 3 и по одному в 13 других городах и селах. И что же, слышим вопрос, это все? На целую область? Конечно нет. Здесь и возникает необходимость классифицировать многочисленные исторические постройки. Большинство официально зарегистрированных памятников широко известно, их достоинства, состояние, проблемы у всех на слуху; в отношении этой — первой в нашей классификации группы домов и комп-

лексов — ведется определенная работа, хотя часть памятников еще не получает поддержки, разумной хозяйской заботы.

Серьезными являются проблемы второй группы достойных в архитектурном отношении зданий, состоящих на учете ВООПИК и охраняющихся как памятники истории и культуры (то есть связанные со знаменательными историческими событиями, известными людьми и т. п.), но не архитектуры. (К таким относятся, например, здания консерватории, гостиницы «Волга», школы № 25 в Саратове, горкома КПСС в Вольске и др.) Неопределенность подхода и отсутствие какой-либо методички в отношении этих построек имеют следствием либо недостаточное внимание к их архитектуре, либо «заботу» о них, не подкрепленную профессиональными знаниями. В результате в первом случае проводится капитальный и косметический ремонт без предпроектных исследований памятника и специальных проектов, утрачиваются ценные его детали, элементы. Во втором — вольно «украшаются» фасады и интерьеры зданий, появляются нелепые пристройки, уродующие их архитектурное лицо.

Много есть в области прекрасных зданий, которые по различным причинам еще не признаны, не получили статуса памятника. А это значит, что их архитектурный облик и даже само существование — постоянно под угрозой разрушения. Но ведь среди таких построек — саратовский городской пассаж, «образцовые» дома на проспекте Ленина, «поздеевская» больница, уникальный деревянный классицизм Вольска, культовые постройки колонистов... Им, составляющим в этой книге третью большую группу, более других нужны внимание, приятие, помощь.

Позволим себе повториться: в книге мы старались по возможности охватить все эти группы произведений архитектуры, ставя во главу угла не статус памятника, но прежде всего его объективные достоинства: мастерство, профессионализм, «стильность», роль в ансамбле и т. д. Поэтому же мы попытались воспроизвести облик и утвердить значение некоторых (самых интересных и показательных) утраченных зданий.

Меняются времена — меняются представления и проблемы. Когда-то казалось, что старых домов очень (даже слишком) много. Хотелось поскорее заменить их новыми, современными. Теперь оказывается, что число исторических зданий катастрофически тает — в некоторых городах и селениях их можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. Следствие — такие города становятся унылыми, стандартными, «сырыми и убогими». Как говорится, что имеем — не храним, потеряем — плачем. Общественность, специалисты, все равнодушные люди бьют справедливую тревогу: давайте сохраним все, что еще осталось! Всего — по разным причинам — сбегать, конечно, не удастся. Но значительную часть — можно. Нужна большая, непростая, систематическая работа — ума, рук и души. Работа, смысл которой — в ощущении сопричастности с историей страны, постижении подлинного исторического сознания, а значит, настоящего, на деле, патриотизма.

Глава I

ОДА КЛАССИКЕ

(памятники зодчества XVIII — середины XIX веков)

Эта часть книги обнимает такой большой исторический период, что, наверное, возникнет справедливый вопрос читателя: может ли одна глава вместить рассказ обо всех памятниках, созданных за полтора века? Уточним. На рубеже XVII—XVIII веков был возведен в Саратове Троицкий (Старый) собор. Далее практически весь XVIII век выпадает из нашего внимания (мало строилось капитальных домов, да и те не дошли до нас ни сами, ни в описаниях, воспоминаниях или проектах). Значит, в основном речь пойдет о зданиях и ансамблях первой половины XIX века — эпохи классицизма, стиля, широко представленного в двух городах нашего края — Саратове и Вольске.

Но обо всем по порядку. Архитектура и общество, его история связаны так неразрывно, что нельзя говорить о памятниках зодчества, не сказав прежде о времени, которое их создавало.

Восемнадцатый век в истории России — особенный. С него, можно сказать, начался для русской державы новый временной отсчет, стремительный, соизмеримый с общеевропейским. Великие петровские преобразования, масштабные реформы Екатерины II изменили страну, ускорили ее размеренную столетиями жизнь. Еще неграмотны и патриархальны были деревни, малы и несамостоятельны города, но уже поднималась ломоносовская академическая наука, набирали жар горны демидовских заводов, издавались газеты и новиковские журналы, бороздили северные моря суда Беринга и Лаптевых.

Менялась и русская архитектура. Возводились храмы и дворцы в молодой столице — Петербурге — и старой — Москве, разбивались «французские» парки в пригородных богатых резиденциях и усадьбах, стали появляться первые капитальные здания в провинциальных городах, бывших до той поры деревянными. Весь круг развития прошло зодчество барокко —

стиля, кульминацией которого были столичные дворцовые ансамбли и московские «нарышкинские» церкви.

Новый архитектурно-художественный стиль — классицизм, сменивший в последней трети века барокко, вошел как во все виды искусств — музыку, живопись, литературу, так и в само общество, его воззрения, вкусы, умственную и духовную жизнь. Классицизм не только отражал идеологию укрепившегося абсолютизма, но и был следствием экономического развития России: активизации внешней и внутренней торговли, подъема промышленности, расширения помещичьих хозяйств, роста городов. Экономичная и реалистичная архитектура отвечала интересам и потребностям как дворянства, так и нового заказчика — промышленной и торговой буржуазии. Русский классицизм явился прогрессивным, необходимым для своего времени стилем.

Эстетическим идеалом, первоисточником для зодчих-классицистов становится гармоничное, ясное искусство античности; предметом поклонения и объектом изучения — помпейские руины, храмы Эллады, дворцы Древнего Рима. Интерпретируются в духе времени их композиции, формы, детали; внимательно изучаются теоретические трактаты архитекторов эпохи Возрождения — Л. Б. Альберти, Ф. Б. да Виньоны, Л. да Винчи, А. Палладио, — впервые обратившихся к осмыслению и популяризации античного наследия.

Важнейшим средством архитектурно-художественной выразительности зданий, основой их композиции вновь выступает стоечно-балочная система — ордер. Главная составляющая этой конструктивной системы колонна (пилястра) — обязательный атрибут большинства памятников классицизма. На основе ордера образуются многочисленные портики, галереи, колоннады. Архитекторы-классицисты использовали несколько видов канонических ордеров, различных по пропорциям, пластике и деталям; применяли их в зависимости от назначения здания и сообразно своему вкусу. Наиболее распространены были дорический (простой, монументальный, строгий), ионический (изысканный, легкий), коринфский (пышный, стройный, декоративный) ордера. Нередко зодчие творчески интерпретировали ордерные композиции. Известность приобрели, например, «стасовский», «казаковекский» ордера, названные по фамилиям их авторов, крупнейших мастеров архитектуры русского классицизма В. Стасова и М. Казакова. В других случаях, чаще в провинциальной архитектуре, канонические композиции утрировались. В массовом строительстве (в том числе деревянном) широко использовались ордерные мотивы, отдельные детали.

Все это расширяло палитру классицизма в сравнении с предшествовавшими ему стилями, делало его архитектурный язык применимым и понятным на самых различных — от уникального до массового деревянного — уровнях строительства.

Другими распространенными элементами классицистических зданий становятся аркады, фронтоны, мезонины с полуциркульными окнами; часто встречаются опражнения в виде балюстрад, рустованные цоколи. Особенности классицистических построек — простая, ясная пластика, относительная свобода от «богатого», измельченного декора, свежая и выразительная цветовая гамма (оштукатуренные поверхности стен, нередко деревянных, окрашивались в желтый, охристый, оранжевый, красный, синий, зеленый, серый цвета; на их фоне выделялись неизменно белые колонны, или пилястры, карнизы и другие детали) сделали их легко узнаваемыми и понятными современникам. А через современников, их чувства и мысли — понятными и близкими нам. Мы произносим значительно: «Архитектура эпохи классицизма», а представляем себе тихую деревенскую усадьбу Лариных или пышную залу, где танцевала свой первый вальс с князем Болконским робкая Наташа, или вспоминаем холодную Сенатскую площадь 25-го года — строгие здания, пока еще строгое, напряженное каре солдат. Ассоциации нашей памяти верны: стены нынешнего Саратовского краеведческого музея (типичнейшей классицистической постройки) помнят юного Мишеля Лермонтова, приезжавшего сюда в 1830 году в гости к родственникам.

Важное достоинство архитектуры классицизма — ее демократичность. Классицизм по существу — первый исторический стиль, представленный и оцененный в многочисленных исследованиях не отдельными уникальными памятниками — дворцами, храмами, — но самыми различными по назначению зданиями. Такое расширение типологии, распространение стиля на сооружения практически любого назначения — соборы и колокольни, здания городской администрации и загородные усадьбы, торговые ряды и гостиные двory, провиантские склады и манежи, мосты и почтовые станции, театры и больницы, дома рядовых праждан и полицейские будки — доказывают его универсальность, объясняют доступность и приятие различными слоями русского общества.

Однако подлинной широты принципы, методы и приемы классицизма достигли в градостроительстве. В 1762 году по специальному указу была образована «Комиссия о каменном строении Санкт-Петербурга и Москвы» для урегулирования застройки двух столичных городов. Очень скоро она расшири-

ла круг своей деятельности сначала на отдельные (Тверь, Калуга, Кострома) города, а затем и на всю Российскую Империю. Деятельность комиссии направлялась на преобразование исторически сложившейся среды русского города: были разработаны новые принципы его планировки, изменившие устоявшиеся формы древнерусского градостроительства. Новое административное устройство государства (губернская реформа 1775 г. предусматривала деление Российской Империи на 50 губерний, каждой губернии — на 10—12 уездов) и последовавшая за ним Жалованная грамота городам (1785 г.) явились сильнейшим стимулом для оживления строительства. Комиссия за три с небольшим десятилетия своей работы (1762—1796 гг.) составила генеральные планы более чем 400 (!) русских городов. При этом планировка губернских центров с исторически сложившейся сетью улиц и известным количеством капитальных (каменных) зданий уточнялась, «регулирувалась»; уездные же города, возведенные в этот ранг нередко из сел и слобод⁸, впервые получали геометрические проектные планы. Масштабы и результаты работы комиссии были беспрецедентными не только в русской, но и в мировой градостроительной практике.

Основными принципами, заложенными в проектные планы комиссии, были «регулярство», соподчиненность городских пространств, выделение центра. Предусматривалось спрямление улиц, прокладка бульваров, устройство площадей различного назначения (торговых, церковных, плац-парадных). Вся территория города делилась на кварталы правильной геометрической формы (чаще прямоугольные), а те, в свою очередь, на участки под строительство (так называемые дворовые места). Учитывались противопожарные разрывы в застройке, в городскую ткань включались общественные сады и бульвары, занимавшие большие территории, а также частные сады и огороды, которые устраивались жителями в глубине кварталов.

Правильность прокладки улиц по планам и соблюдение строительных предписаний строго контролировались губернским и городскими архитекторами и самим губернатором: проекты генеральных планов городов имели силу закона. Казалось бы, такое единообразие планировки, жесткость, методичность в ее воплощении должны были привести к серости, невыразительности, монотонности облика самых разных русских городов. Однако такого обычно не происходило. Каждый город, как сложный и умный организм, «оживлял» данный ему план, индивидуализировал его. Регулярная уличная сеть, как бы «наложенная» на рельеф конкретной местности, обретала трехмерность, сохраняя при этом ясность и правильность и избавляясь от

жесткости и излишнего геометризма. Местные ландшафтные особенности в большинстве случаев подчеркивались регулярной планировкой; города при этом выигрывали, приобретали качественно новое, запоминающееся, живописное, а не скучно-однообразное лицо.

Городской центр обычно располагался на главной площади: здесь строились здания нового правления — дом губернатора, присутственные места, а нередко и городской собор с колокольней, и торговые ряды.

Города застраивались по-новому: фасады домов теперь выходили прямо на улицу, приветствовалось каменное (кирпичное) строительство. Именно тогда, в конце XVIII — начале XIX века, русские города стали приобретать «городской» (в нашем, современном, понимании) вид: прямые улицы, двух-трехэтажные дома, вымощенные кое-где дороги, деревянные тротуары, фонари...

Но не только в городах ширилось строительство, изменялась и деревня. В начале XIX века были разработаны даже «образцовые», типовые проекты планировки сел. Массовый характер приобрело возведение помещичьих усадеб; эти комплексы, состоящие из представительных особняков со службами и флигелями и садово-парковых ансамблей с аллеями, беседками, стали приметой и украшением русской провинции.

После Отечественной войны 1812 года архитектура классицизма видоизменилась: прибавилось торжественности, нарядных деталей, монументальности. Мемориальное строительство этой поры (дворцы, обелиски, соборы, мавзолеи, триумфальные арки) носят печать стиля ампир⁹. Дорогие, богато украшенные постройки постепенно лишались обаяния классицистической архитектуры, заключенного в ее ясности, строгой и простой гармонии, запоминаемости, камерности. Все сильнее ощущался разрыв между уникальным и массовым строительством. Классицизм утрачивал свежесть, привлекательность, постепенно терял симпатии. Известны высказывания современников — Н. Гоголя, Ф. Достоевского, — критиковавших архитектуру классицизма 30-х годов XIX века¹⁰. К 30-м годам XIX столетия (а в провинции — к 50-м) стиль, по существу, сдает свои позиции. Слово «классический» начинает означать скучный, казенный; «регулярный» — монотонный, косный. Звездные часы стиля сменяются его неприятием, отрицанием, забвением.

В Саратове и остальных городах края классицизм проявляется несколько позже, чем в столичных и некоторых других

крупных центрах (Ярославль, Казань, Астрахань). Начало «регулярству» и массовому капитальному — каменному — строительству в саратовском крае положили в 60-х годах XVIII века колонии иностранных поселенцев. Все они строились по заранее составленным геометрическим планам; основные постройки сразу возводились из кирпича, изготовленного самими колонистами. В начале XIX века, после долгой подготовительной и проектной работы, получили «высочайше утвержденные» регулярные проектные планы Саратов, Вольск, Царицын, Камышин, Хвалынский, Петровск и другие уездные города губернии. Характер этих планов, их композиционные особенности, набор планировочных приемов были в основном типичными для градостроительства классицизма; выделялись проекты городов, непосредственно стоявших на Волге.

Планы, составленные для Саратовской губернии, можно разделить на две группы: для исторических городов, в которых имелись оформившиеся центры, ряд капитальных построек, сложившаяся планировка (Саратов, Петровск), в том числе с сохранившейся крепостью-центром (Камышин, Царицын); для вновь образованных уездных городов, в которых не было каменных зданий и сколько-нибудь определенной сети улиц и кварталов (Вольск, Хвалынский, Аткарский и др.).

В дальнейшем, по мере осуществления этих генеральных планов, оказалось, что всего в двух передовых городах края — Саратове и Вольске — классицизм проявился в полной мере, комплексно: в планировке, возведении центральных ансамблей и массовой городской застройке. В других городах, например Царицыне, Петровске, Хвалынске, была проведена лишь разбивка улиц и площадей и выстроены отдельные здания, в которых обозначилось влияние стиля; остальные уездные центры, где строительство по разным причинам велось медленно, малыми силами, едва успели к концу XIX столетия осуществить основные планировочные мероприятия из тех, что предлагались в проектах. Здесь капитальное строительство началось лишь в последние десятилетия XIX века.

Остановимся подробнее на классицизме Саратова и Вольска, городов с очень разной судьбой, но схожей (до середины XIX века) архитектурой.

Первый регулярный проектный план для Саратова был составлен в 1803 году. Однако уже в 1810 году он был заменен другим, который, в свою очередь, также не стал исходным для нового строительства. Опустошительный пожар 20 июня 1811 года, когда в городе уцелело всего 129 каменных зданий, повлек необходимость в составлении нового плана, который и

был высочайше утвержден 14 сентября 1812 года. Этот план, впрочем, учитывал принципы, заложенные в двух предшествующих, а также особенности веерной планировки старого города. Новая прямоугольная уличная сеть была расположена под углом в 45 градусов к волжскому берегу: за основу взято направление главной улицы города — Московской (ныне проспект Ленина). Вдоль нее размещалась цепочка площадей: Старая Соборная (Гостинная), Михаило-Архангельская (Горянская), Хлебная с Верхним базаром (ныне соответственно: Музейная площадь; сквер на пересечении проспекта Ленина, улиц Октябрьской и Леонова; площадь Революции). В прибрежной части города получила продолжение уличная сеть, основанная на системе взвозов, поднимавшихся от волжских пристаней к Царицынской улице (ныне улица Чернышевского) и «соединявших подгорье с городом».

В 1813 году Саратов был распланирован по новому плану. С этого времени территория города стала расширяться, выходить за свои двухвековые границы: слободы и предместья вошли в состав города. Многие улицы и кварталы, еще не имевшие названий, получали их по фамилиям владельцев домов, около которых были поставлены вехи для разбивки кварталов и улиц. Названия происходили также от церквей, учреждений, по национальностям обитателей и их занятиям. Город первоначально отводил помещикам и другим состоятельным лицам земельные участки без ограничений; часто землевладельцы занимали почти по кварталу; впоследствии они разделяли эти дворовые места на несколько усадеб и перепродавали. Конечно, быстрое распланирование города по-новому и нарезка кварталов на участки-владения способствовали планомерному его росту; впрочем, плотность населения и застройки на новых землях была невелика. Несмотря на быстрый раздел территории города, его расширение поначалу (во втором десятилетии XIX века) было незначительным. В 1815 году каменных домов в Саратове было «едва ли до сотни». Основное строительство велось в старой части города: вокруг Старой Соборной площади, вдоль Московской и Царицынской улиц. На центральных улицах возводили дворянские дома, а на боковых — купеческие и мещанские. Фактическим центром по-прежнему оставалась Старая Соборная площадь.

Медленно, постепенно рос Саратов в том направлении — от Волги, что было указано планом. Обрастали застройкой все новые улицы, обживались кварталы, складывался административно-торговый центр вокруг Новой Соборной (ныне Коммунарная) площади. Город выходил на так называемое «второе

плато» — обширную, ровную, как стол, площадку, где и сегодня находится «самый центр» Саратова — территория, ограниченная проспектом Ленина, улицами Радищева, Советской и Мирным переулком.

К середине века, когда основная торговля была перенесена на Верхний базар, а многие купцы переселились на Немецкую улицу (ныне проспект Кирова), эта часть города стала действительно приобретать центральный облик. Обмеление Волги, отступление ее от берега близ Старого собора и устройство паромных конторок у Бабушкина взвоза, многочисленные учреждения, магазины, учебные заведения, объекты культуры, наконец, городской бульвар Липки — излюбленное место отдыха саратовцев — упрочили положение и авторитет нового центра. Спросите — при чем тут классицизм? А вот при чем: постройки этого стиля своеобразным пунктиром обозначают путь развития Саратова и его центра в первой половине XIX века (и даже облегчают задачу ориентации в городе). В самом деле, представительные ансамбли обеих — Старой и Новой — Соборных площадей, «образцовые» жилые дома Московской улицы, богатые городские усадьбы на Новодворянской, Покровской, Малой Царицынской улицах (ныне улицы Рабочая, Лермонтова, Мичурина), дворцовые особняки, церкви — вот воплощение классицизма в застройке Саратова. Стиль проявил себя ярко и всесторонне; однако тотальным, всеобъемлющим его влияние на город не назовешь. Устойчивость архитектурных традиций, затруднявших путь новому стилю, малая плотность, разбросанность классицистических зданий, наконец, их «растворенность» в более поздней застройке... Много причин, по которым зодчество этой эпохи не стало лицом Саратова, его символом, паролем.

Иное дело — Вольск. Кажется, он еще дышит ароматом тех десятилетий, которым обязан своим самобытным обликом. В строгую эпоху классицизма город словно был вылеплен враз — быстро, легко и красиво.

Классицизм Вольска вовсе не «провинциален» (с тем неприятным оттенком, в какой часто окрашивают это слово). Он демократичен и полон достоинства. Это фронтоны, бельведеры, портики, галереи — целая вереница звучных полузабытых слов. Это гордые бело-желтые здания с колоннами, расставленные, будто нарочно, в самых видных местах — на перекрестках улиц, на площадях. Это деревянные постройки, скромные, но говорящие о своей принадлежности к стилю чистотой линий и

ясностью форм... Уже два века стоят в волжском городе эти дома — монументальные и изящные, представительные и простые. Стоят уверенно и надежно.

Волгск¹¹ — «город, стоящий на Волге», — торжественно отпраздновал свое «открытие» 6 января 1781 года. Однако новый уездный городок до начала XIX века по облику все еще был большим селом. В 1790-х годах он был распланирован по новому регулярному плану и строился практически заново, с редкостной быстротой. «Началась строительная горячка, на которой погрело руки вольское купечество. На улицах и площадях одновременно возводились десятки каменных хором столичного образца... Во главе этих операций стоял один из первых градоправителей Вольска купец Василий Злобин, человек, близкий тогдашнему министру финансов В. Кочубею. С его помощью построено в городе более 70 добротных каменных зданий, какими не всегда мог похвастаться даже губернский город»¹².

Проектный план 1790-х годов намечал лишь общую планировочную схему города: его территорию, расположение площадей, разбивку основных улиц, направления роста города, участки, отводимые под сады, и т. п. Всего по плану намечалось до семидесяти прямоугольных кварталов. Одна группа улиц шла параллельно Волге, вторая — перпендикулярно.

Раньше других начала застраиваться Троицкая (Старая Соборная) площадь (ныне площадь Свободы). Однако задуманная как главная, она таковой не стала, не получила и ансамблевого единства застройки. Постепенно роль центральной брала на себя Торговая (Новая Соборная) площадь (ныне площадь имени 10-летия Октября). Здесь разместились в возведенных в первой четверти XIX века каменных каменных зданиях присутственные места, суд, уездное училище, торговые лавки. По периметру площади строились крупные особняки. Оконченный к середине 1840-х годов Новый собор ускорил формирование ансамбля этой площади и утвердил ее центральное положение. Соединявшая две площади Московская (ныне Революционная) улица была главной композиционной осью города. В ее застройке преобладали «образцовые» жилые дома.

Большая же часть зданий, составляющих центр Вольска, была возведена во второй четверти века. В 1826 году был утвержден новый проектный план, наметивший значительное (более чем в пять раз) увеличение территории города. Утверждались и развивались принципы, заложенные в планировку Вольска предыдущими проектами: регулярная прямоугольная система улиц, относительно небольшие размеры кварталов. Бы-

ли намечены три площади на периферии, места для приходских церквей, «присутственного и обывательского строения», торговых лавок. Фруктовые сады шли двумя зелеными клиньями от Волги, вдоль речек Верхней и Нижней Малыковок.

Из изъяснения к плану 1826 года видно, что к этому времени в Вольске было 128 каменных и 1707 деревянных домов. Он считался уже одним из крупных торговых волжских городов. Вольск быстро строился, слыл в это время «чуть ли не лучшим уездным городом по всей Волге». Известный историк Н. Костомаров в своих воспоминаниях отмечал: «Путешественник увидит в Вольске множество каменных зданий, вообще редких в уездных городах здешнего отдаленного края»¹³. Вольск представал глазу путешественника умело срежиссированной, построенной со знанием законов композиции и перспективы картиной: взвозы стремительно взбегали от воды на крутой берег, превращаясь здесь в прямые, уходящие вдаль улицы; точными мазками-акцентами стояли тут и там большие «благородного стиля» здания; в мелкий ритм кварталов врывались паузы площадей; наконец, главки колоколен и храмов, горевшие звездами на фоне меловых гор, складывались в изящную золоченую раму.

Многочисленны в Вольске каменные постройки эпохи классицизма — общественные здания, белоколонные купеческие особняки; распространены различные жилые дома, возведенные по «образцовым» проектам; всех их отличает высокий профессионализм: грамотная композиция, хорошие пропорции, тонкий рисунок деталей. Но поистине массовы те постройки, которые выражают интерпретацию классицизма в народной деревянной архитектуре.

Кажется, мы нашли причину вольского феномена? Вольск, полностью сформировавшийся как город — от уличной планировки до последнего оконного наличника — меньше чем за одно столетие, был создан эпохой классицизма. Он стал своеобразным полигоном, на котором в чистом, «снятом» виде выразились градостроительные и архитектурные манифесты этого стиля. В этой цельности, чистоте, единообразии (но не однообразии) — вольский секрет.

Бросается в глаза сходство географического положения и планировки Вольска и его старшего (по возрасту и статусу) соседа. Оба города расположены на правом — высоком — волжском берегу, в больших седловинах, были ограничены речками-оврагами. Повторяется расположение центральных площадей, главной — Московской — улицы, даже градостроительный прием размещения основных высотных доминант — церквей, коло-

колен. Главное же общее свойство саратовского и вольского классицизма — та самая комплексность (помните, от планировки до массового, рядового строительства) проявления. Нельзя не отметить своеобразную опосредованность вольской архитектуры: классицизм здесь развивался с некоторой временной задержкой по сравнению с губернским центром, да и проектировались, строились многие здания опытными саратовскими архитекторами.

Но есть и различия, весьма существенные. Так, классицистический Вольск оставляет более сильное, цельное впечатление (мы говорим о впечатлении сегодняшнего дня). Причиной тому — компактность центра и города вообще. Важно и то, что с середины XIX века Вольск замедлился в развитии, остался в дальнейшем под влиянием старых традиций. Саратов же, выросший в конце столетия в крупнейший экономический и культурный центр, «столицу Поволжья», легко воспринял новейшие стилевые тенденции эклектики и модерна. Есть различия и в планировке (например, отсутствие в Вольске крупных градоформирующих транспортно-торговых магистралей — трактов¹⁴), и в застройке: саратовский классицизм практически весь каменный, вольский же оригинален во многом благодаря своим деревянным вариациям.

Проявления классицизма в Саратове и Вольске — иллюстрация масштабов его распространения в самых разных русских городах, жизнеспособности, гибкости и большой созидательной силы этого стиля.

До середины XVIII века Саратов занимал совсем небольшую территорию — треугольник, ограниченный Глебучевым оврагом, валом, проходившим по линии нынешней Октябрьской улицы, и Волгой. Узкие улочки с наннзанными на них небольшими кварталами, веером расходившиеся от Московских ворот (находились примерно на углу нынешних Октябрьской улицы и проспекта Ленина), спускались с возвышенности к реке. Здесь, вблизи крутого волжского берега, в начале XVIII века было завершено строительство соборной церкви Живоначальные Троицы, или Троицкого (Старого) собора. Именно от него — старейшего в Саратове здания — начали расходиться концентрическими окружностями, словно годовые кольца в стволе дерева, более поздние постройки. Церковь возвели было традиционно деревянной, да, словно спохватившись, перевели в камень — в набравшем тогда силу и ширившемся по русским городам новом, «нарышкинском», архитектурном вкусе, про-

званном потом московским барокко. В это время в культовую архитектуру проникает светское, мирское начало, мировоззрение широких общественных слоев. Величественно-строгие старорусские церкви сменяются новыми — живописными, красочными, нарядными. Красота становится синонимом богатства. Обильно декорированные, изукрашенные, праздничные храмы возводятся повсеместно. Особенно пришлись они по вкусу купцам и ремесленникам торговых городов. Саратовские прихожане тоже получили такой храм.

Сложная, выразительная композиция Троицкого собора складывалась постепенно, дополняясь новыми элементами, изменяясь в деталях, но не утрачивая целостности. Стоявший поначалу отдельно — восьмериком на четверике — храм и восьмигранная же шатровая колокольня были объединены крытой галереей и трапезной. Замечательны составные части композиции собора. Динамичная, устремленная ввысь, легкая трехъярусная колокольня остро контрастирует с устойчивым, приземистым основанием храма. Покрытие его — простой сомкнутый свод (двускатная кровля) с полицами — типично для гражданских зданий. Основной объем собора был существенно расширен за счет трапезной; его обрамляет галерея на мощных арках с контрфорсами, словно связывающая постройку с землей. Вообще облик храма напоминает естественно растущий вверх организм. Первый, второй, третий ярус... С высотой — от массивной аркады до изящной главы на тонкой шее барабана — усиливается пластичность и декоративность форм, словно очищаются пропорции.

Декоративность — главная отличительная черта архитектуры Троицкого собора. Все здесь — стройная колокольня, уютные крылечки, кружевные карнизы и наличники окон — как бы взывает к радостям мирской жизни. «Архитектурную проповедь» земных благ дополняет красочное узорочье, яркая покраска стен, ослепляющий блеск оконных витражей и золоченой меди. Старый собор стал центром одноименной — Старой Соборной — площади. Рядом с ним в то время стояли каменные и деревянные лавки — Хлебный, Шапошный и Щепетильный ряды. Хлеб, соль, рыба, пенька, ткани, арбузы доставлялись сюда прямо с ближайших пристаней. Поблизости находились здания городской администрации — воеводская канцелярия и магистрат.

На рубеже XVIII—XIX веков застройка площади вокруг Троицкого собора становится более представительной: возво-

дится здание главного народного училища, ряд крупных особняков... Вместо деревянных торговых рядов — Пешего базара — строится каменный гостиный двор. Кажется, еще более нарядным, привлекательным стал собор в строгой оправе зданий эпохи классицизма. Но прежде чем вести разговор об архитектуре этих зданий, хочется сказать о том, что они составляют в целом, — ансамбле площади. Удивительное все-таки это качество подлинных произведений архитектуры — объединяться в крепкое, гармоничное содружество. Достаточно сказать: «Музейная площадь» — и перед глазами привычная, чуть наклонившаяся колокольня, уютный тенистый сквер, музей с белыми колоннами и зеленой крышей, арки старой школы («Кажется, здесь учился Чернышевский» — отличает любой горожанин этот дом), бой часов на здании Управления железной дороги и утренний перезвон недавно возвращенных собору колоколов... Но давайте вспомним, как складывался этот памятник градостроительства — ансамбль Музейной площади.

Итак, XVIII век: эффектный силуэт собора (восхищался любой, проплывавший мимо Саратова по Волге) — и приземистые, «казенные и обывательские» дома, деревянные лавочки, кабаки... Ощутимый контраст. И рано еще говорить об ансамбле.

XIX век. На Старой Соборной — строительная суэта. Буквально за одно десятилетие весь периметр площади оделся в камень, выстроился в строгое каре. Опять контраст: суховатые аркады сурановских построек¹⁵, ровный ритм окон и колонн особняков — и мелкий, нервный декор собора, вертикальная легкость колокольни... Но как созвучны оказались все эти здания, как близки по масштабу и духу. Зашумел молодой лиственный сквер вокруг собора, застучали по булыжной мостовой коляски извозчиков, телеги торговцев, каблуки прихожан и покупателей. Таким был он — ансамбль Музейной площади — в XIX веке.

В начале XX века, когда старогородская площадь уступила первенство Новой Соборной (в новый центр переехала администрация, за ней потянулись и крупные купцы), городские власти приняли волевое решение — снести старый гостиный двор и возвести на его месте Управление РУЖД — железнодорожное ведомство. Взлетела в воздух строительная пыль, взметнулись леса... очень скоро четырехэтажный корпус был готов. Мнения современников разделились: одни высказывались одобрительно, другим казалось, что новомодный фаланстер подавил своей громадой Троицкий собор, подмял остальную застройку площади.

Нам, кто не успел рассмотреть вывески гостиного двора, не помнит на ощупь его желтоватой шершавой штукатурки, не попробовал расстегав на «Пешке», трудно сразу принять чью-то сторону. Давайте просто еще раз обойдем площадь, взглянемся во все повнимательнее. Вы замечали сходство пропорций и деталей (а не только цвета) Управления и собора, видели в огромных окнах первого отражение второго, вздрагивали, путая бой часов на угловой башенке РУЖД с колокольным звоном? А есть еще плавно закругляющаяся галерея Старого собора, изгиб которой подхватывают боковые крылья музея, есть какая-то преемственная связь простых колонок этой галереи и большого ордера напротив, есть удивительное сходство кудрявых коринфских капителей музея и школы, есть скромная и строгая ограда сквера, которая, кажется, не отделяет его, а сближает с домами вокруг... Есть ансамбль.

...Здесь учился Чернышевский.

Лето восьмидесятого было особенно сухим и жарким. Особенно — потому, что коротать его приходилось в городе. Мы, студенты-первокурсники, едва сдав сессию, вышли на обмерную практику. Нас собрали, объяснили, что к чему, показали какой-то дом, совершенно заросший вязами. Через полчаса... на умытом песке пляжа мы, поддавшись вдохновению, интерьер-антуража дивное соотношение отыскали... Прошла всего неделя (или две), и мы опять встретились у этого дома. Его надо было обмерить рулеткой, вычертить, зарисовать, описать. Вязы мешали — прятали дом, не позволяли подобраться к нему, но зато давали немного тени. Размякший асфальт, казалось, плыл под ногами. Прохладно было лишь под сводами арок. Их-то мы и рисовали. Так, может, с этого все началось? Руки и сейчас помнят неровную «шубу» столбов аркады, затеки побелки в поясах карниза (они так мешали измерить детали точно!).

Потом я забрел сюда поздней осенью. Вязы стояли голые и прозрачные. Ноги увязали в сугробах листьев. Желтые листья на тротуаре казались маленькими скорлупками штукатурки. Дом словно проявился, отчетливо и ясно. Аркада, желтые стены за ней, белые капители, пологий фронтон... И почему-то захотелось снова в жаркое лето.

Да, именно здесь учился Чернышевский. Но, оказалось, и мы учились тоже.

Сейчас в этом здании находится школа (№ 25, улица Челюскинцев, 12), до революции была гимназия, реальное училище, еще раньше духовная семинария. А в самом начале — жилой дом. Точнее, особняк купца Филиппа Катенева. Построен он по проекту большого саратовского зодчего Василия Ивановича Суранова. Его замысел был прост и бесспорен: возвести по соседству два схожих по архитектуре здания — купеческий особняк и гостиный двор. Именно в таком едином решении нуждался город, его центральная площадь — это точно знал губернский архитектор. Вот и повернулся беззаботно дом

СОДЕРЖАНИЕ

Мой город весь как нотная тетрадь	3
Глава 1. ОДА КЛАССИКЕ (памятники зодчества XVIII — середины XIX веков)	10
Глава 2. МЕЖДУ ВДОХНОВЕНИЕМ И РАСЧЕТОМ (строительный бум второй половины XIX — начала XX веков)	49
Глава 3. ФОРМУЛА ФЛЁРА (переселенческая архитектура в Саратовском Поволжье)	113
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	139
Примечания	143
Словарь архитектурных терминов	146
Список памятников архитектуры Саратовской области	149

Научно-популярное издание

Сергей Олегович Терёхин

ВЕКА И КАМНИ

(памятники архитектуры
Саратовской области)

Редактор *Л. А. Розанова*
Художественный редактор *В. К. Бутенко*
Технический редактор *Л. А. Долгова*
Корректор *И. А. Соколова*

ИБ № 1675.

Сдано в набор 28.03.90. Подписано в печать 20.11.90. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая, Усл. печ. л. 8,84+0,93 вкладка, Усл. кр.-отт. 10,0. Уч.-изд. л. 9,5+0,73 вкладка. Тираж 10 000. Заказ 1481. Цена 65 коп. Приволжское книжное издательство. 410071, Саратов, пл. Революции, 15. Производственное объединение «Полнграфист» управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облисполкома. 410730, г. Саратов, пр. Кирова, 27.

65 к.

САРАТОВ
ПРИВОЛЖСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1990

